

KILEWAYA Ludmila

Uczelnia Lingwistyczno-Techniczna w Przasnyszu
(m. Przasnysz, Polska)
kilewaya@mail.ru

STERNAL Elżbieta

Uczelnia Lingwistyczno-Techniczna w Przasnyszu
(m. Przasnysz, Polska)
elzbietastral@wp.pl

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕРИФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ИХ ЭВОЛЮЦИИ

В статье анализируются аналитические формы глагола древнерусского (восточнославянского), современных белорусского и украинского языков в сопоставлении с польскими и английскими аналитическими формами в их эволюционном развитии. Отмечается, что перифрастические конструкции формируются под воздействием своеобразия восприятия мира носителями обозначенных языков. Дальнейшая их трансформация в глагольные формы происходит благодаря процессу морфологизации, обусловленному определенными семантическими изменениями. Проведенный анализ позволяет доказать предопределенность европейского контекста аналитических форм глагола с индикативной и конъюнктивной семантики в обозначенных языках, что отчетливо проявляется в семантике прошедшего, преждепрошедшего времен, в семантике проспектива, а также в значении сослагательного наклонения.

Ключевые слова: перифрастические конструкции, мировосприятие, семантика, морфологизация, проспектив, форма глагола

The article analyzes the analytical forms of the of Old Russian (East Slavic) verb, modern Belarusian and Ukrainian languages in comparison with Polish and English analytical forms in their evolutionary development. It is noted that periphrastic constructions are formed under the influence of the peculiar perception of the world by the native speakers of the indicated languages. Their further transformation into the verb forms occurs due to the process of morphologization curtained by the semantic changes. The analysis allow to prove the inevitability of the European context of analytical verb forms with indicative and conjunctive semantics in the specified languages, which is clearly manifested in the semantics of the past, past perfect tenses, in the semantics of the prospective, as well as in the meaning of the subjunctive mood.

Keywords: periphrastic constructions, perception of the world, semantics, morphologization, prospective, form of the verb

Даже самый общий анализ аналитических форм с индикативной темпоральной и конъюнктивной семантикой древнерусского, современных белорус-

ского и украинского глаголов в сопоставлении с соответствующими формами польского и английского глаголов в исторической перспективе свидетельствует об идентичности их развития. Истоки данной идентичности уходят корнями в глыб индоевропейской общности с характерной для этого периода общностью восприятия мира носителями индоевропейских диалектов.

Настоящая статья призвана доказать предопределенность европейского контекста аналитических форм древнерусского, современных белорусского и украинского глаголов, обусловленную общностью их эволюционного развития совместно с аналитическими формами польского и английского глаголов.

Достаточно усматриваемой является структурно-семантическая общность аналитических форм белорусского и украинского глаголов с темпоральной семантикой с соответствующими формами польского глагола. Восприятие мира носителями языка в праславянский период способствует формированию перифрастических темпоральных конструкций, касающихся главным образом планов прошлого и будущего.

Потребность древнего славянина выразить качественный процесс протекания действия во внутреннем времени способствует развитию разветвленной системы праславянских форм прошедшего времени. При этом актуализация качества дела в представлении древних славян обуславливает значимость его результативности. Взгляд на прошлое как на сакральное, вера в то, что с прошлыми несправедливыми действиями в рамках конфессионального параметра («За грехи наши») связаны все бедствия в настоящем, утверждает значение перфекта как единой семантической зоны соотношения планов прошлого и настоящего в большинстве славянских языков. Морфологизация первоначально утвердившихся для передачи данной семантики перифрастических конструкций способствует формированию идентичных аналитических форм глагола в обозначенных языках. Синтез этих форм осуществляется благодаря утрате вспомогательного глагола в формах типа *есмь пошедль* в белорусском и украинском языках (*нашоу*; *пошев*) либо их оптимизация в польском языке (*poszedlem*).

Не вызывает сомнения структурно-семантическое соответствие данных форм формам современного английского языка Present Perfect, сохранившего в своем эволюционном развитии эксплицитное представление двух временных планов: прошлого и настоящего. Глагол *have* в своей семантике воплощает план настоящего и является далеко не случайным: в смысловом отношении он идентичен восточнославянскому глаголу *иметь*. С его помощью реализуется значение 'имею в настоящем результат действия, произведенного в прошлом'. Наименование же самого действия в виде простого прошедшего времени глагола передает значение завершенности как свершившегося факта. Так, в выражении *I have worked* реализуется интенция говорящего, смысл которой сводится к тому, что субъект действия, работающий в прошлом, имеет в настоящем конкретный результат, эффект. Причем этот эффект применительно к субъекту действия может быть наделен как положительной, так и отрицательной коннотацией.

Сохранение в первоначальном виде форм преждепрошедшего времени в современных белорусском, украинском и польском языках обуславливает их интерпретацию в контексте идентичных форм английского глагола Past Perfect, ср.: польск. *był poszedł*, укр. *був пошев*, бел. *быў нашоў*, англ. *he was went, but he was stopped*.

Европейский контекст отчетливо выражается в соотношении формы английского глагола Future Perfekt с древнерусской формой условного будущего времени глагола и формой будущего времени современного польского литературного языка. В данном случае речь идет о проспективной семантике, в основе которой лежат семы «намерение», ‘цель’ и ‘желание’ в сочетании с семами ‘благоприятное условие будущего действия’. Причем последняя из приведенных сем является облигаторной. Сочетание данных сем формирует проспективную семантику и проспектив как ядерный компонент данной семантики. Таким образом, важнейшим критерием категории проспективности является фактор благоприятных условий, способствующих успешности осуществления намеченных будущих действий. Схематически с учетом семы ‘модальность действия’ данную категорию можно представить в виде $X\bar{U} \rightarrow Y\bar{F}(M)$, где X – предшествующее действие, Y – будущее действие, U – условие, F – план будущего, M – модальный план. Предлагаемая схема эксплицируется следующим образом: действие X принадлежит условию, обеспечивающему облигаторность действия Y, принадлежащего плану будущего в разнообразии модальных оттенков.

Подтверждение проспектива как составляющей будущего времени находим в трудах российского исследователя В.А. Плунгяна, который пишет: «дальнейшая грамматикализация проспективов часто приводит к развитию у них более общего значения будущего времени» [1, с. 288]. Обозначенная мысль ученого подтверждается также другими исследователями [2, с. 5]. На наш взгляд, значимым является еще и тот факт, что термин *проспектив* (prospectif) был введен французским лингвистом Э. Бенвенистом для обозначения будущего времени, выражаемого перифрастическими построениями [3, с. 5].

Включение восточнославянского проспектива в европейский контекст обеспечивается эволюцией формирования будущего условного времени в древнерусском языке. Анализ перифрастических конструкций древнерусского языка указывает на последовательную их морфологизацию, в результате которой сформировалось так называемое будущее условное время в виде форм типа *иму читать, буду читать*, постепенно уступившим в русском языке место аналитической форме будущего времени в составе с инфинитивом [4].

В остальных славянских языках эволюция данных конструкций носила иной характер. Праславянский полисемантический глагол *имети* со значениями футуральности, возможности, необходимости трансформируется, участвуя в организации конструкции со значением предвидения типа *mamy sluchać* в польском языке; словоформы будущего времени типа *чытацьму, чытацьмеи* в белорус-

ском просторечии, типа *працаватиму, працаватимеш* в украинском литературном языке. Следует также оговорить, что в русском литературном языке формы, включающие глагол *имети*, не утратились окончательно. Они употребляются лишь спорадически в отдельных, главным образом северновеликорусских, диалектах, напр.: *иму читать*. Несомненно, данные формы по сути своего содержания вписываются в концепцию проспектива и могут быть интерпретированы с помощью данного термина. Кроме того, без каких бы то ни было изменений они сохранились в современном английском языке, в котором представлены в виде темпорального значения Future Perfect либо Future Continuous Perfect (подробнее см. в [4], [5]). Напр.: *They will have played tennis by 6 o'clock*.

Следует подчеркнуть, что проведенный учеными анализ формирования проспективной семантики в проекции на возможный мир позволил заключить, что в ее основе лежит специфика русского менталитета. В частности, как отмечает И.П. Ильин, данная специфика состоит в постоянном стремлении переоценивать реальность прошлого и настоящего с точки зрения предположительного будущего [6]. В.В. Колесов же указывает на такую черту русского народа, как мечтательность («жить по мечте») [7, с. 137]. С определенной долей условности эти характеристики можно перенести и на другие славянские – и шире – европейские народы. Насколько применимо такое соотношение между восприятием мира и проспективом к носителю английского языка ученым еще предстоит выяснить, так как, по располагаемым нами данным, такого рода фундаментальные исследования в лингвистической литературе не представлены.

Европейский контекст аналитических форм восточнославянского глагола эскиплицируется также в грамматическом значении сослагательного наклонения. Анализ формирования и эволюционного процесса перифрастических конструкций с данным значением в славянских языках свидетельствует об их обусловленности аффективно окрашенными знаниями концептуальной картины мира носителя языка. Значение сослагательного наклонения формируется вследствие смены восприятия мира с позиций дихотомии на трихотомию, иными словами при обозначении т.н. «третьего лишнего» в период славянского Средневековья. Формирование гипотетического значения, морфологизация перифрастических конструкций, приведших к возникновению древних форм сослагательного наклонения, обусловлены господствующими в данный период манипулированием сознания, «идеологией умолчания» и «психологией незамечания», соотносимыми с сакральностью слова, что порождает семантику возможных миров, а в их составе возможных действий. В сфере модальности действия семантика создаваемых возможных миров проявляется в соотношении реальных смыслов как с прошедшими действиями, уже имевшими место в жизненном опыте говорящего, так и с действиями желаемыми, осуществление которых возможно при определенных условиях, основанных на знаниях говорящего о реальном мире. В перифрастических конструкциях, используемых

для передачи описываемой модальности действия, отчетливо выделяется два возможных мира. Первый из них представлен планом прошлого, что передается посредством аориста глагола *быть* в разных спрягаемых формах: *быхъ, бы, быхомъ, бысте, быша*. Второй мир соотносится с планом будущего, что выражается посредством эвелего причастия, выполняющего ономаσιологическую функцию, то есть называющего конкретное действие, в данной перифрастической конструкции: *видел, читала, слышали* и т.п. Последующая трансформация этих семантических планов с единой семантической основой единого возможного мира и актуализация последнего приводит к морфологизации такого рода перифрастических конструкций. Ее следствием является формирование единой формы сослагательного наклонения типа *видель быхъ, видели быхомъ, слышали бысте* и т.п. Приведем примеры из памятников древнерусской письменности: *Быхомъ мы видели васъ ту, убо молилися быхомъ вамъ съ слезами* (Киево-Печерский патерик).

Эволюция рассматриваемых форм заключается в том, что формы аориста постепенно утрачивают способность передавать значение прошедшего действия как свершившегося факта, что приводит к трансформации их в частицу *бы*, причем с сохранением персонифицирующего показателя в польском языке. Превалирующим оказывается значение желательности как оппозиционный признак сослагательного наклонения в составе формирующейся грамматической категории: *читал бы, читала бы, читали бы* и т.п. В современном польском литературном языке отмечается тенденция к препозиционному употреблению частицы *by*, свидетельствующая о ее информационной значимости в предложении, например: *Tę książkę bym wolala przeczytać jak najszybczej*.

Таким образом, сопоставление аналитических форм древнерусского, современных белорусского и украинского глаголов с польскими и английскими аналогами обнаруживает их значительную структурно-семантическую идентичность. Истоки этой идентичности коренятся в историко-культурной общности носителей обозначенных языков, в общности постижения ими мира в процессе эволюционного развития. Все это и предопределило сформировавшийся европейский контекст аналитических форм древнерусского, современных белорусского и украинского глаголов.

Литература

1. Плуиунян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматическая система языков мира / В. А. Плуиунян. – М. : РГГУ, 2011. – 377 с.
2. Маслова, Е. С. К типологии проспектива: категория провиденциалиса в юагаирских языках / Е. С. Маслова // Исследования по теории грамматики / под ред. Ю. А. Ландера, В. А. Плуиуняна, А. Ю. Урманчевой. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 3. – С. 212–225.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; вступ. ст. и комм. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
4. Килевая, Л. Т. Становление категории наклонения славянского глагола : дисс. ... докт. филол. наук / Л. Т. Килевая. – Алматы, 2003. – 276 с.

5. Килевая, Л. Т. Семантика грамматики в свете освоения темпоральной парадигмы английского глагола / Л. Т. Килевая, Э. Стэрналь // Идеи. Поиски. Решения : сб. статей и тезисов XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 ноября 2017 г. : в 7 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 62–67.

6. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.

7. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.